

события, связанные с крещением коми-зырян, включение Пермской земли в состав Великого княжества Московского, события на Русском Севере во время междоусобиц, в частности разорение Севера Дмитрием Шемякой. Очень интересны и подробны сведения об участии коми в освоении Сибири, в частности роль коми в знаменитом походе Семена Курбского и Петра Ушатого на Обь в 1499 г.

Летопись (точнее — копия начала XIX в., сделанная вологодским семинаристом А. Шергиным) была открыта в 1927 г. краеведом и начинающим писателем **П.Г. Дорониным**. Тогда же он скопировал этот текст. К сожалению, сам оригинал был изъят в 1813 г. по приказу вологодского епископа **Евгения (Болховитинова)**, который собирал старые рукописи по местным церквям и монастырям. Поэтому судьба первоначального текста неизвестна, летопись пропала.

Печальна участь и шергинского варианта. Оставленная П.Г. Дорониным в Усть-Выми, она погибла в лихие 1920-е годы. И только через много лет, в 1958 г., она была впервые введена в научный оборот П.Г. Дорониным¹.

1.4. Предки современных коми в западноевропейских источниках

Ряд сведений по этнографии народов коми содержится в сочинениях западноевропейских писателей и путешественников, побывавших в России в XIV–XVII вв.²

¹ Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.

² Общий обзор этих путешествий см.: *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. СПб., 1864. Т. 1–2; *Кордт В.А.* Библиографические заметки об иностранных путешествиях по России до конца XVII в. Добавление и поправка к труду Ф. Аделунга. Юрьев, 1893; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск, 1941. Ч. I–II.

Эти путешествия были спровоцированы не просто любопытством, а целым рядом обстоятельств. Голос Русского государства, до недавнего времени воспринимавшийся как некая экзотическая данность, со времени правления Ивана III начинает все звонче и увереннее звучать на европейской политической арене. Московия воспринималась по-разному: с интересом, предубеждением, часто с опасением. Но игнорировать ее уже было невозможно.

В рамках Великих географических открытий происходило и открытие западным миром незнакомой Московии. Одновременно закрытие и монополизация Португалией торговли с Индией вынудило Европу искать альтернативные торговые пути между Западом и Востоком, которые были возможны только через Московскую Русь. Западная Европа открывала для себя этническое многообразие этой страны. Именно поэтому она в это время оказалась под пристальным вниманием королей, купцов, ученых, просто авантюристов.

Многие из них оставили записки о своих открытиях на Востоке. Рассматривая процесс взаимного познания России и Запада, В.О. Ключевский отмечал, что «от XV в. мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и остававшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частным сношениям между Москвой и некоторыми западноевропейскими дворами, и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства³».

Чем больше русские власти старались скрыть информацию о путях в Сибирь, за Урал и далее, тем настойчивее иностранцы стремились узнать об этом. В связи с поиском северо-восточного (северного) морского пути в этих сочинениях появляются сведения о Европейском Северо-Востоке, населенном наро-

³ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве... С. 10–11.

дами коми, ибо по этим землям шли некоторые пути за Урал. В подобных сочинениях о путешествиях правда переплетается с вымыслом.

Интерес к Московскому государству на Западе подстегивали и известия о баснословных богатствах, имевшихся на севере. Так, окольный М. Вельяминов, сопровождая посла императора Николая Варкоча в 1593 г., привез в Вену императору Рудольфу II в качестве подарка 40 360 соборей, 3000 бобров, 20 760 куниц, 337 235 белок, 120 черно-бурых лисиц¹. Следует отметить, что это был исключительный дар, так как московские власти ждали помощи в борьбе с турками. А в это время основная масса пушнины в Москву поступала с Европейского Севера, в том числе и Коми края. Это тоже способствовало включению региона в сферу интересов западно-европейских купцов.

Чаще всего в произведениях иностранцев Коми край упоминается под названием *Перми* и *Печоры*. К наиболее ранним таким источникам относится книга итальянца **Юлия Помпония Лэта**², побывавшего в Московском государстве в 1479–1480 гг. Лэт Помпоний (Джулио Сансеверино, Leto Pomponio, Lactus Pomponius, 1428–1497) — писатель, гуманист. В 1465 г. основал в Риме кружок гуманистов — так называемую Римскую академию, где изучалась античная философия, подвергались критике средневековая схоластика, деятельность католической церкви. Сам Лэт увлекался изучением древностей, в частности Древнего Рима: его государственности, быта, учреждений, античной литературы. В 1468 г. он вместе с другими членами академии был обвинен в заговоре, целью которого являлись устранение Папы Павла II и организация в Риме философско-языческой республики; был арестован, но вскоре освобожден из тюрь-

мы после иквизиционного процесса преемником Павла II.

В 1479–1480 гг. Лэт Помпоний совершил путешествие по землям Южной Руси, «Скифии и Сарматии», впечатления о котором изложил в комментариях к «Георгикам» Вергилия под названием «Скифские заметки»³. Исследователь жизни и творчества Лэта В. Забугин установил, что он путешествовал в составе экспедиции, отправленной Папой Сикстом IV в 1479 г. за книгами для Ватиканской библиотеки. Один из его современников, Петр Мааре, писал, что он «храбро двинулся на север, о котором читал удивительные и почти превышающие веру известия, посетил страны каринтийцев, венгров, поляков и русских, достиг до Татарской земли»⁴.

Последующие исследователи очень высоко оценивали данные римского гуманиста. Например, А. Шлецер, высказывая мнение о значении его сведений о Югре и Заволочье, отмечал, «каким образом он получил эти известия о северной России, в которых было много нового и отчасти верного»⁵. Действительно, он первым в европейской историографии оперирует термином «Сибирь».

Именно у Помпония Лэта мы впервые в западной литературе встречаем упоминание о предках народа коми под именем *Перми* (*Permii*) и местонахождении этой страны. Правда, располагает он их на восточном склоне Рифейских (Уральских. — А.Т.) гор, что неверно, ибо историческая область Пермь Великая находилась на западной стороне Урала. Также он часто отождествляет эту страну с Печорой («*Permii, et Pecerrii*»)⁶.

Помпоний Лэт в своем сочинении четко различает Скифию — Русь — и Сарматию — Польшу. Весь Север России он описывает как часть Скифии, в числе жителей которой упоминает и другие финно-угорские народы:

¹ Марков С. Земной круг. М., 1976. С. 291.

² Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1914. Т. XVIII; Zabughin V. Giulio Pomponio Leto. V. 1–2, Roma, 1909–1912; Алексеев М.П. Сибирь... С. 59–74.

³ Там же. С. 74–77. Полный текст на латинском языке см.: Там же. С. 195–218.

⁴ Цит. по: Алексеев М.П. Сибирь... С. 60.

⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809. Т. 1. С. 43–44.

⁶ Там же. С. 80.

угаров, или угров, пермских вогуличей (*Permskani vahuczkani*), башкирских черемисов (*Baskidi Cziremissi*¹). Кроме того, он знает и вогулов как жителей Югры².

Впоследствии почти все западноевропейские писатели исходили из его упоминания об этом далеком крае, продолжая уточнять сведения о нем. Его сочинение, по-видимому, стоит у истоков одного из знаменательнейших мифологических сюжетов раннего Возрождения — легенды о Золотой Бабе. Именно Лэт Помпоний написал, что «угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Аларихом. <...> На обратном пути часть их (угаров) осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которыми поклоняются как божествам»³. Позднее эти медные статуи у **Матвея Меховского** превращаются в Золотую Бабу, которая, по его мнению, находилась в «землях за Вяткой».

У этого же автора мы встречаем и другие данные⁴. М. Меховский, Мехов Матиас, де, Меховит, Мачея Каприга из Мехова (1457–1523), — профессор, астроном и историк, ректор Краковского университета. О его жизни сохранились отрывистые сведения, в основном извлеченные из его надгробной плиты. Матвей Меховский родился в 1457 г. в бедной мещанской семье в Мехове, небольшом городке Краковского воеводства, по которому впоследствии и был прозван (de Miechow, Miechow,

Miechowita). Известно, что 16-ти лет он пришел в Краков и в 1473 г., уплатив 8 грошей вступительного взноса, был включен в список студентов университета. Начав с Аристотеля и философии, он в дальнейшем все более склоняется к медицинским наукам. В 1476 г. он уже бакалавр, в 1479 г. — магистр, а 1480–1485 гг. проводит за границей, работая в немецких и итальянских университетах — в Праге, Флоренции, Падуе. По возвращении в Краков уже в звании доктора медицины М. Меховский становится профессором университета и с этих пор почти не покидает Кракова⁵.

Наиболее плодотворный период университетской деятельности М. Меховского приходится на 1501–1519 гг. В это время он девять раз, с перерывами, избирался ректором и в течение двух лет был вице-канцлером университета. К 1501 г. М. Меховский был известен как врач: был придворным врачом и астрологом Сигизмунда I Польского и Владислава Чешско-Венгерского. В эти годы творческого расцвета им были написаны основные исторические сочинения — «Chronica Polonorum» и «Tractatus de duabus Sarmatiis»⁶. Умер М. Меховский 8 сентября 1523 г. в Кракове. Его похороны превратились в большую манифестацию, где рядом с ученым миром, сановниками и городскими властями участвовала многотысячная масса бедноты.

Своей небольшой книжкой, насчитывавшей немногим более 30 страниц, он фактически открыл Московское государство для Европы и сыграл важную роль в деле ознакомления с ним западного мира. Она увидела свет в Кракове в 1517 г. на латинском языке. Книга произвела чрезвычайно сильное впечатление на современников, немедленно стала фокусом ученых споров, выдержала одно за другим 16 изданий на четырех языках только в XVI в., долгое время оставалась одним из самых читаемых произведений и источником постоянного заимствования для многих⁷.

⁵ Аннинский С.А. Введение ... С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Сводку об изданиях «Трактата» см.: Аннинский С.А. Введение... С. 7–8.

¹ Шлецер А.Л. Нестор. С. 80.

² Обзор знаний о вогулах см.: Алексеев М.П. Сибирь... С. 70–71.

³ Забугин В. Юлий Помпоний Лэт... С. 97.

⁴ Macej z Miechowa. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de cunctis in eis. 1517. Анализ этой книги см.: Корф М. Матвей Меховский и его сочинение «Трактат о двух Сарматиях» // Отечественные записки. 1854. Т. CXVII. № 12. С. 137–160; Дитмар Б. «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Землеведение. 1928. Т. 30. Вып. 4. С. 63–75; Алексеев М.П. Сибирь... С. 77–82. Русский перевод: Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. Библиографию о жизни и деятельности М. Меховского см. во введении С.А. Аннинского: Меховский Матвей. Трактат... С. 1–2.

На основе ряда сведений, извлеченных им из различных литературных сочинений, а также лично полученных от людей, побывавших на Руси, и от русских военнопленных, ему удалось скомпоновать сочинение, содержащее многое из того, что не было известно до выхода его книги¹. М. Корф писал, что «его рассказы носят на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия, а излагаемые им сведения отзываются истинной любознательностью и сочувствием к описываемому предмету. Есть, конечно, много неверностей в его книге, но прочитавший ее всю со вниманием обвинит скорее некоторых из тогдашних современников наших, не хотевших или не умевших оценить благородной его пылливости касательно всего, что относилось к нашему Отечеству, и сообщивших ему вещи небывалые. Зато некоторые из показаний Меховского имеют, видимо, характер достоверности и могут служить подтверждением и частью дополнением местным источникам»².

Что подвинуло М. Меховского к созданию этого произведения, не ясно. Х. Барыч, подготовивший польский перевод «Трактата», высказал предположение о том, что книга была написана в период подготовки свадьбы польского короля Сигизмунда на итальянке Бонне Сфорца. Сочинение было посвящено рассмотрению спорной в то время в европейской науке проблемы двух Сарматий: что это такое, их пределы, политическое устройство Восточной Европы. Ведь согласно европейской историографии одна из этих Сарматий — бывшая Киевская Русь, Московия, часть которой уже вошла в состав Польского королевства. За эти земли шла длительная непрекращающаяся война, и обосновать их принадлежность Польше было важной задачей³.

Одновременно Польша и остальные страны Европы нуждались в информации об ак-

тивно вторгающемся в европейскую геополитику новом игроке. Кроме того, появление книги следует связывать с Великими географическими открытиями XVI в., с поисками сухопутного пути в Индию и далее на восток. Не случайно М. Меховской в предисловии к своей книге вставляет такой пассаж: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру»⁴. Т.е. Польша, которая периодически одерживала победы над Московским государством, всерьез готовилась к его оккупации и созданию конкурентного торгового пути на Восток.

Много внимания уделяет М. Меховский в «Трактате» описанию народов, которые, по его мнению, населяли нашу страну в прошлом или в описываемое им время: скифам, сарматам, готам, вандалам, аланам, свевами, половцам, татарам, калмыкам, черкесам, югре, пермякам, карелам, черемисам, евреям, литовцам и др. Следует сказать, что автор вполне справился и с этой своей задачей и дал нам более или менее удовлетворительный географический и историко-этнографический очерк⁵.

Однако у М. Меховского есть положения совершенно фантастические и не выдерживающие никакой критики с научной точки зрения (например, вандалы, свевы, бургунды у него считаются поляками и говорят по-польски; югра — это венгры и т.д.). Эти исторические экскурсы автора весьма любопытны, но интересны лишь как типичный и очень показательный образчик современной ему западноевропейской историографии.

Как первоисточник, «Трактат» предоставляет нам сравнительно немного фактов, но безусловно интересен как политико-географическое произведение, долгое время счи-

¹ Об источниковедческой базе М. Меховского см.: Аннинский С.А. Введение... С. 13–20.

² Корф М. Матвей Меховский и его сочинение... С. 137.

³ Barycz H. *Wstep*. Maciej z Mechowa. Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej. Warszawa, 1972. S. 11.

⁴ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях... С. 46.

⁵ Бычкова М.Е. География России в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Проблемы исторической географии и демографии в России. М., 2007. Вып. 1. С. 184–196.

тавшееся одним из главных источников для изучения нашей страны, как выразительный памятник в истории науки. Его сочинение было ярким примером сочетания географического и исторического описания. По своему содержанию оно еще больше напоминает традиционную античную «Космографию», так как большая часть все же посвящена географическому описанию земель «сарматских» и этнографической характеристике их населения. При этом проявляются и некоторые элементы исторических рассуждений, поскольку географические материалы и выводы самого автора часто обосновываются с помощью исторических аргументов.

В то же время «Трактат» вполне отвечал требованиям справочного пособия, предназначенного для информирования западноевропейского читателя о восточноевропейских землях, народах. Именно этим была обусловлена его популярность. По мере накопления конкретного историко-географического материала это сочинение теряет свое значение, уступая свою роль другим работам.

В его труде есть и описание Карелы, Перми, Югры и ее жителей. М. Меховский помещает эти области с одноименными народами в «Скифии», границей которой на Востоке он считает Вогульскую землю. Именно он впервые поведал для жителей Западной Европы о Югре — «самой северной и холодной скифской земле у Северного океана». Правда, краковский историк соотносит жителей Югры с венграми, которые пришли отсюда в Панонию¹.

У него имеются сведения и о Перми. В частности, он пишет: «Пермь — односложное слово, отсюда — земля Пермская, читая Пермская (Permska) двумя слогами. Эту область, почитавшую идолов, князь московский Иван около двадцати лет тому назад принудил принять крещение по русскому или греческому обряду. Он поставил там владыку, то есть епископа, по имени Стефан, но дикари по уходе князя содрали с него кожу

заживо и умертвили. Князь, воротившись, побил их и снова поставил им другого главу, под духовной властью которого они и живут теперь вновь обращенными в христианство, следуя русскому схизматическому обряду»².

Мы видим, что М. Меховский путает естественный ход исторических событий. Деятельность **Стефана Пермского** была связана со временем правления Дмитрия Донского. Умер он своей смертью. Убитым «дикарями», точнее вогулами (манси), был третий по счету пермский епископ — Питирим. Кроме того, никто из собственно московских князей не ходил военным походом в Пермский край, а сама эта территория фактически была присоединена к Москве благодаря деятельности пермских епископов **Стефана**, Герасима, Ионы и Питирима без применения военной силы.

Далее автор указывает, что Пермь имеет «свое наречие», то есть сохраняет свой язык. По его мнению, «в этих областях не пахут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду. Живут они в чаще лесов, в шалашах, сделанных из ветвей». Этот пассаж показывает уровень знаний о коми у человека, считавшегося в то время крупнейшим знатоком Московии. Но главной причиной мифологизации некоторых данных о Московии является еще достаточно невысокий уровень тогдашней осведомленности о предмете повествования.

Именно в книге краковского ученого впервые была упомянута и начала самостоятельную жизнь знаменитая легенда о Золотой Бабе: «За область, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости или гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или

¹ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях... С. 79–80.

² Там же. С. 118.

хоть волос, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идет дальше»¹.

После «Трактата» М. Меховского Русский Север и Урал становятся часто упоминаемыми в западноевропейских географических сочинениях.

Следующий шаг в уточнении сведений об этих районах был предпринят в книге ватиканского философа, историка и врача **Павла Иовия** (Paolo Giovio, 1483–1552)². Иногда его еще называли Павлом Новокомским от названия города Кома в Ломбардии, Италии, где он родился и позднее был каноником. В молодости он занимался медициной, а потом богословскими науками, был возведен в сан епископа при папе Клименте VII. Умер во Флоренции в 1552 г.³

Автор сочинения «Novocomensis libellus de legatione Basilii, Magni Principis Moschouiae,

¹ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях... С. 117. Обзор по вопросу о Золотой Бабе см.: Анушин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. С. 277–282; Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 77–82; Игнатов М.Д. Собственное имя «Золотой бабы» и этимология гидронима «Обь» // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 3. С. 97–112; То же. Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Вып. 1. Сыктывкар, 2004. С. 199–219.

² Jovius (Giovio) Paolo. Novocomensis libellus de legatione Basilii, Magni Principis Moschouiae, ad Clementem VII pont. max. ... Romae, 1525; Новокомский Павел Иовий (Джовио Паоло). Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, Великим князем Московским, к папе Клементу VII / пер. с лат. М. Михайловского // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 1–93; Полный русский перевод был опубликован под именем: Новокомский Павел Иовий. «Книга о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клементу VII, в которой с особой достоверностью описаны положения страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуются заблуждения Страбона, Птолемея и других, писавших о Географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время, нигде не существуют» в приложении к книге «Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах». СПб., 1908.

³ Михайловский М. Предупреждение от переводчика // Павел Иовий. Книга о посольстве... С. 6.

ad Clementem VII pont. max...» никогда на Руси не был, а книга написана на основе бесед с московским послом к папскому двору Дмитрием Герасимовым (1465–1533)⁴. Последний находился в Риме с 1491–1493 гг. и побывал там еще раз в 1525 г.

Пребывание Д. Герасимова в «Вечном городе» было связано с интенсивными переговорами, которые вел папский престол с Москвой, о соединении Западной и Восточной церковью (они закончились неудачей) и выявлении торговых путей из Италии сухопутным путем на восток. Д. Герасимов считался достаточно знающим в Московской Руси человеком, до этого не раз бывавшим в Швеции, Дании, а в 1496 г. даже обогнувшим морем Скандинавию. На основе бесед с ним и другими итальянцами, которые торговали с севером, в частности с Московией, и была создана Павлом Иовием его замечательная книга. Оценивая свой труд, автор отмечает, что в ней «с достоверностью описано положение страны, неизвестной древним, религия и обычаи народа, показаны заблуждения Страбона, Птолемея и других географов, упоминавших о Рифейских горах, существование коих в наше время отвергнуто ясными доводами».

Сочинение Павла Иовия было значительным достижением западноевропейской географии, так как в нем впервые уточнялись и корректировались многие существовавшие в западноевропейской историографии легенды о Севере Руси. В том числе встречается описание Перми. Эта книга имела поразительный успех в Европе, в период с 1525 по 1606 г. она была издана 37 раз на пяти языках, в том числе 21 раз по-латыни⁵. В книге прежде всего рассказывается о пушнине, которая являет-

⁴ Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 248–266; Она же. Дмитрий Герасимов (Дмитрий Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV –XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 195–196.

⁵ Ляйви В. О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 77.

ся основным богатством жителей этой страны, а также автор пишет, что еще недавно они были язычниками, но теперь «*чтут господу Христа*».

Приведем текст с описанием Перми полностью: «*В 600 милях от Москвы, там, где река Юг впадает в Двину, лежит торговый город Устюг. Туда приезжают Пермь (Permii), Печера (Peccerri), Югры (Inugri), Вогуличи (Ugulici), Пеняжане (Pinnagi) и другие отдаленнейшие народы и привозят с собою дорогие меха (как то куниц, соболей, волков, оленей и черных и белых лисиц), которые променивают на различные товары. Лучшие соболи меха с проседью доставляются из Перми и Печеры и употребляются для царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которые умеют придать сему наряду вид живых соболей. Впрочем, эти народы не сами добывают их, а получают от других отдаленнейших племен, живущих близ Океана. Еще в минувшем веке Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идолам; ныне же исповедуют Христианскую веру»¹.*

Следует отметить труд австрийского (немецкого) дипломата и путешественника, писателя, находившегося на службе у Габсбургского дома, барона **Сигизмунда Герберштейна** (Sigismund Siegmund Freiherr von Herberstein, 1486–1566)². Он дважды (в 1516–1518 и 1526–1528 гг.) по поручению императора Священной Германской империи Максимилиана ездил в Москву в качестве посредника на переговорах советников Великого князя всея Руси Василия III с послами Великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I.

С. Герберштейн родился в 1486 г. в дворянской семье в замке Виппах (ныне Випава) в Штирии, в южной Австрии³. Он рос в среде

словенцев, где словенский язык был родным для значительной части населения, что способствовало позднему его общению в Москве. В 1499 г. С. Герберштейн поступил в Венский университет, переживавший тогда период расцвета, связанный с проникновением духа Возрождения. Здесь он изучал право и философию. В возрасте 16 лет С. Герберштейн получил степень бакалавра. В 1506 г. начинается его многолетняя служба Габсбургам, сначала как офицера, а потом и как дипломата. В 1508 г., во время войны с Венгрией, за заслуги перед императорской фамилией он был возведен в рыцарство, получив дворянство. В 1514 г. С. Герберштейн поступает на службу при дворе императора Максимилиана I, а в 1515 г. становится членом Имперского совета, с 1516 г. начинает исполнять различные дипломатические поручения. С тех пор почти в течение 50 лет (до своих 77 лет) он выполнял сложные задания четырех королей в самых разных краях Европы, включая Турцию, совершив за это время 69 миссий.

Вершиной своей дипломатической деятельности С. Герберштейн считал поездку к Сулейману Великолепному в Турцию, где ему удалось говорить с султаном не распростертым ниц перед ним, как было принято при османском дворе, а стоя на одном колене. Недаром позднее с разрешения императора С. Герберштейн пополнил родовой герб изображением «*московита*» и «*турка*», имея в виду две важнейшие дипломатические миссии в своей жизни. За заслуги перед империей в 1532 г. С. Герберштейн был возведен в баронское звание.

Дважды он побывал на Руси, прожив в ней в общей сложности 16 месяцев, больше, чем все бывшие до него в Москве западноевропейские путешественники. Цель первого визита С. Герберштейна в Москву — сначала склонить великого князя Василия III Ивановича к миру с Великим княжеством Литовским для совместной борьбы против Турции и к передаче Смоленска польскому королю, второ-

ственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 13–103.

¹ Павел Иовий. Книга о посольстве... С. 31

² Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение... Ч. I. С. 106–115.

³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / пер. с латин. и нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкович; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 28; Ленарчич А. Жига Герберштейн: его среда и жизнь // Сигизмунд Герберштейн — воин, государ-

го — превращение пятилетнего перемирия между русскими и поляками, срок которого истекал в 1527 г., в вечный мир. Обе его миссии не увенчались успехом. Однако здесь непосредственно от местных чиновников и купцов он смог получить важные сведения историко-этнографического характера о Московском государстве¹. В частности, одним из его информантов был упомянутый выше Д. Герасимов².

Кроме того, С. Герберштейн был достаточно хорошо знаком с европейской географической литературой. А так как знал русский язык, то смог ознакомиться и с русскими летописями, рукописными дорожниками, картами и другими документами³. Например, в его

¹ Записки о Московии (Rerum Moscovitarum Commentarii) барона Герберштейна. С латинского Базельского издания 1556 г., пер. И. Анонимов преподаватель VII С.-Петербургской гимназии. СПб., 1866; *Герберштейн С.* Книга о Московитском посольстве // Новокомский И.П. Книга о московитском посольстве / введ., пер. и примеч. А.И. Маленина. СПб., 1908; *Herberstein S. vom. Rerum Moscovitarum Commentarii. Basileae, [1556].*

² Рыбаков Б.А. Дмитрий Герасимов и Сигизмунд Герберштейн // Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974. С. 70–110.

³ О нем и его книге см.: *Аделунг Ф.П.* О важнейших изданиях Герберштейна С. «Записок о России» с критическим обзором их содержания. С приложением портрета Герберштейна, рисунка и карты России. СПб., 1818; *Замысловский Е.* Барон Герберштейн // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 320–327; *Он же.* Герберштейн и его историко-географические сведения о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI века // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Т. 13. 1884; *Ерьюхин А.П.* Историко-географические известия о севере Московского государства в XVI столетии, заключенные в «Записках о Московии» Герберштейна // Труды Архангельского статистического комитета за 1890. Архангельск, 1891. С. 1–29; Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников — иностранцев. Сост. В.Н. Бочкарев. СПб., 1914; *Nehring A. Freiherr von Herberstein, 1897. Wien, Об издании книги на русском языке см.: Прахов М.* Об издании Герберштейна с русским переводом и объяснениями // Записки Академии наук. 1864. Т. IV. С. 246–264; *Adelung F. S. Herberstein, mit besonderer Rücksicht für seine Reisen in Russland. SPb., 1827; Русский перевод. СПб., 1827; Ляйш В.* О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна... С. 76–

книге имеется латинский перевод не дошедшего до наших дней в русском оригинале «Дорожника», или «Указателя пути на Печору, Югру и Обь», составленного между 1500–1517 гг. участниками знаменитого похода 1499 г. под руководством Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника в Югру. Результатом похода стало установление зависимости этого зауральского района от Москвы. Кроме того, «Указатель» знакомит нас с обитателями Русского Севера и Зауралья. По-видимому, он является первым подробным топонимическим источником по Коми краю, в котором была зафиксирована близкая к современному ономастическая номенклатура. В свое время *А.А. Дмитриев* обратил внимание на то, что в сочинении австрийского дипломата встречается самое раннее упоминание о так называемом «Бухонином волоке», который соединял водные пути с Вологды на Каму⁴. В результате всего этого С. Герберштейну удалось относительно полно изобразить картину жизни Московского государства, причем не только столицы, но и ее окраин.

Это сочинение отличается полнотой первоклассных сведений о позднесредневековой Московии⁵. В главе «Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби» С. Герберштейн приводит чрезвычайно ценные данные о народах Севера⁶. Здесь мы встречаем и описание Перми, Печоры, Югры. Так, он приводит любопытные известия о дани, которую ежегодно платили пермяки мехами и лошадьми, упоминает о почитании ими идолов и т.д. Но наиболее занимательным является его ремарка об употреблении пермяками лыж и собак как

79; *Хорошкевич А.Л.* Герберштейн сегодня // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 107–118.

⁴ *Дмитриев А.А.* Происхождение названия и судьба Бухонина волока // Пермский край. Пермь, 1892. Т. I. С. 134–137.

⁵ *Хорошкевич А.Л.* Русь и русские в «Записках об Московии» // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 127–184.

⁶ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии... С. 156–164.

вьючных животных. (*И.Н. Смирнов* приводит это сообщение в своей книге о пермяках¹.) По-видимому, С. Герберштейн здесь имел в виду не столько коми-пермяков, которые действительно не использовали собак в таком назначении, сколько пермян, жителей Перми Вычегодской, предков коми-зырян, которые как раз часто использовали собак со специальными нартами во время охоты.

Это подтверждает мнение о том, что С. Герберштейн не различал пермян, живших на Каме, от пермян, живших по Вычегде. Он еще придерживается епифаневской традиции, когда под названием *пермь* рассматривали и зырян, и пермяков. С. Герберштейн был наслышан об особой письменности, которая употреблялась пермянами: «*Имеют особый язык и точно так же письма*». Это позволяет предположить, что он был знаком с каким-то списком «Жития *Стефана Пермского*» и что, возможно, стефановская древнекоми письменность использовалась еще в XVI в. Это вообще единственное письменное свидетельство об этом через много лет после сочинения *Епифания Премудрого*. Он так же, как *Матвей Меховский*, упоминает о епископе Стефане, который проповедовал христианство среди жителей Перми и который был умерщвлен там (дикари заживо содрали с него кожу). Между тем убитым вогулами был третий преемник Стефана — Питирим, и произошло это в 1456 г.

На страницах его сочинения вновь появляется легенда о Золотой Бабе (Золотой старухе), которую он располагает в устье Оби. Интересны его сведения о том, что она издает звуки «*наподобие трубы*»². Его книга долгое время служила основным источником о Московском государстве и активно использовалась многими исследователями³. Как пишет

А.С. Мыльников, его сочинение было чрезвычайно популярно в Европе, неоднократно переиздавалось на многих языках и было известно в России. Так, в Российской национальной библиотеке имеется 14 изданий книги С. Герберштейна⁴.

Рейтенфельс (Reutenfels) Яков, годы рождения и смерти неизвестны, курляндский дворянин, автор записок о Русском государстве XVII века. Известно, что его отец состоял при дворе польского короля Яна II Казимира. В 1670–1673 гг. жил в Москве. Благодаря своему дяде — врачу царя Алексея Михайловича — имел доступ ко двору. В 1674 г. Я. Рейтенфельс находился в Риме, где при помощи кардинала Распони подал три проекта относительно распространения католичества на Руси. В двух первых проектах он предлагал отправить в Россию миссионеров под видом врачей или инженеров и давал обстоятельные рекомендации, как действовать в России, описывая все трудности, с которыми придется столкнуться.

Третий проект содержал предложение церковной унии, средствами к достижению которой, по мнению автора, было предложение антитурецкого союза, направление в Россию мастеров горного дела и обещание учредить в землях Священной Римской империи компанию для торговли с Россией⁵. Не имея успеха в Риме, Я. Рейтенфельс перебрался в Тоскану и был приветливо принят великим герцогом Козимо III Медичи, которому в знак благодарности перед отъездом в Польшу преподнес свое сочинение. Оно было составлено около 1676 г. Им заинтересовался некий знатный германец и снял с него копию, которую в свою очередь уступил книгопродавцу Фрамботти. Последний в 1680 г. в Падуе опубликовал сочинение Я. Рейтенфельса под заглавием

¹ Смирнов И.Н. Пермяки... С. 20.

² Обзор сведений о Золотой Бабе в западноевропейской и русской литературе см.: Трубецкой Н.С. К вопросу о Золотой Бабе // ЭО. 1906. Кн. 1–2. С. 56–65; Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 114–119.

³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... С. 43–45; Хорошкевич А.Л. Герберштейнинана сегодня // Ziga Herberstein — Сигизмунд Герберштейн. М., 2000.

⁴ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 131.

⁵ Пирлинг П. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. Тексты документов перевел Алексей Станкевич // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1906. Кн. 4. С. 1–7, 16, 21.

«О событиях Московских Светлейшему Герцогу Тосканскому Козимо III»¹. Его сочинение содержит описание территории, населения, политического и экономического строя, административного устройства, судопроизводства Московского царства и т.д. Автор дает портреты целого ряда политических деятелей того времени, например А. С. Матвеева, С. Полоцкого и др.²

В его сочинении некоторое место уделено финно-угорским народам, в том числе и народам коми. Например, в главе 17 книги 3 «О языке и науках» он пишет, что «в московской области Мордве, а также и в Вятке и Перми, или Беармии, граничащих с лапландцами, долгое время держалась своя особая азбука, в общезитии называемая азбукою епископа Стефана»³. Это высказывание интересно тем, что свидетельствует об известности в Москве азбуки **Стефана Пермского** еще во времена Алексея Михайловича. Хотя здесь Я. Рейтенфельс ошибается, ибо стефановская азбука никогда не употреблялась мордвой, а также жителями Вятского края.

В следующий раз автор обращается к этим народам в книге 4, где дает описание местностей, упоминаемых в царском титуле. По его сведениям, «Пермь — также громадная область, с городом Пермью, прозванная русскими Великою, и изобилует всем, кроме хлеба. Жители ее едят вместо хлеба сушеную рыбу и багный корень. Опираясь на палку, они быстро несутся по снегу на двух деревянных сандалиях в три локтя длиною, устраивают облавы и охотятся всегда удачно на скифских соболей, белок и прочих зверей. Кажется, это, как и самоеды, остатки древних финнов и земголы, которые в 830 году под именем

беармийцев, умея колдовать и будучи совершенно, впрочем, безоружными, обратили в бегство датского короля Регнера с войском»⁴.

Здесь представляет интерес упоминание автором лыж, которые им названы «деревянными сандалиями», причем во всей книге лыжи упоминаются только у жителей Перми. Далее он дает описание Удории и Печоры как областей, «границы коих также широко раскинуты, живет народ, соблюдающий в пище, одежде и во всем своем образе жизни величайшую простоту. По берегам реки Печоры тянутся длинным хребтом весьма высокие горы, которые русскими зовутся “Поясом земли”. По этим горам водятся, говорят, совершенно черные соболи, знаменитые своим мехом, белые соколы и высокие кедры, похожие на можжевельник. Обитатели этих областей сохранили свой дедовский язык, но немного понимают и по-русски»⁵.

Крупное место в ряду источников по истории России в период царствования Ивана Грозного занимают «Записки о Московии» **Генриха Штадена** (Henrich von Staden 1542–?). Как пишет М.П. Алексеев, «он представляет тип типичного авантюриста, перебивавшего на своем веку монжество различных профессий»⁶. В них мы находим интересные географические сведения о Московском государстве и, что особенно интересно для нас, о его северных и северо-восточных окраинах, в том числе о Коми крае.

Г. Штаден родился около 1542 г. в маленьком вестфальском городке Ален в семье местного бюргера Вальтера Штадена. Родители его готовили к духовной карьере, но некий несчастный случай, угрожавший ему уголовным

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Там же. С. 399.

⁶ **Генрих Штаден**. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Перевод и вступительная статья И.И. Полосина // Записки прошлого. Воспоминания и письма / под ред. С.В. Бахрушина и М. Цявловского. М., 1925; **Островский Д.** Вновь открытое описание России XVI века // Исторический вестник. 1905. № 5. С. 539–544; **Полосин И.И.** Новый источник по истории Русского Севера // Север. 1928. № 7–8. С. 50–56; **Алексеев М.П.** Сибирь в описаниях... С. 155.

¹ *Reutenfels J.* De rebys Moschovitibus ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tetrium. Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol.

² *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя, 1680 г. / пер. с лат. Алексей Станкевич. М., 1906. Историю русских изданий текста см.: *Шокарев С.* Введение // *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу... / Утверждение династии. М., 1997. С. 417.

³ Там же. С. 340.

преследованием, заставил Г. Штадена скрыться из родного города¹. Он нашел пристанище и работу в Любеке. Позднее, в январе 1559 г., он перебрался в Ригу. Шла Ливонская война, ожидалась осада города войсками Ивана Грозного, и в городе царила паника. Поэтому Г. Штаден покидает Ригу и скитается по Ливонии, позднее получает должность приказчика на мызе Вольгартен. Пытается заняться торговлей. Но в это время Ливония снова становится полем битвы, на этот раз между братьями — шведским королем Эриком XIV и Иоанном, герцогом Финляндским.

Г. Штаден ограблен, он нищий. В 1563 г. он вторично попадает в Ригу, а оттуда переходит в польский Вольмар. Из этого города польские отряды часто совершали набеги на пограничные русские области, в частности на Юрьевский уезд, недавно отошедший к Москве (1558 г.). Г. Штаден некоторое время принимает участие в подобных набегах на русские земли. Но ему снова не везет, он оказывается в тюрьме, ибо повздорил с сообщниками из-за добычи. Через некоторое время, выйдя на свободу, он покинул Ливонию и решил перебраться за рубеж, в таинственную и заманчивую Московию.

Так судьба забросила бедного вестфальца в столицу бурно развивавшейся Московской Руси на целых 12 лет. Он становится толмачем в Посольском приказе, получает поместный оклад, поместье, а также двор на Москве и, как иноземец, право «*курить вино, варить пиво и ставить мед*». Так Г. Штаден занялся обычным для иноземца занятием — корчемством. Однако, не довольствуясь этими доходами, он завязывает связи с местными купцами-промышленниками и сборщиками мягкой рухляди с инородческих окраин Московского государства и начинает заниматься меховой торговлей. У него появляются друзья и покровители в окружении И. Грозного.

В 1570 г. Г. Штаден в качестве опричника принимал участие в Новгородском походе и «*погроме*». В это время отдельные оприч-

ные отряды, отрываясь от царской ставки под Новгородом, уходили далеко на север, доходя даже до берегов Студеного моря, оставляя после себя кровавые следы. Генрих Штаден, подобрав свой собственный отряд-дружину, предпринял самостоятельный поход и отличался грабительскими набегами на мирные русские монастыри и посады. Выйдя из Москвы в царском отряде с одной лошадей, он вернулся с табуном в 27 голов, да 22 лошади пришли в санях, с верхом заваленных награбленным добром².

Во время набега крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г. на Москву он теряет все свое добро и покидает столицу. Г. Штаден пытался наладить мукомольное дело на Волге: в Рыбной Слободе (Рыбинске) он заводит мельницу. Но вскоре оттуда переезжает в Поморье (1574–1575 гг.). Интерес к Поморью, проявленный вестфальцем-авантюристом, понятен. Здесь, от Холмогор и Колы через Вологду и Каргополь, проходили главные торные торговые пути из «*европских стран*» на Восток — в Шемаху и Персию, Хиву и Бухару, Индию и Китай. Этот регион долгое время был источником экономической мощи и политической силы Новгородской республики, а после разгрома Новгорода вошел в опричнину.

К 1575–1576 гг. Г. Штаден перебрался в Колу в расчете уехать с товаром за рубеж. Некоторое время выступал торговым посредником между английскими, голландскими, норвежскими и русскими купцами. В эти годы он побывал в Каргополе, Белоозере, Вологде, Пустозерске. Именно здесь Г. Штаден получил сведения о *Печоре* и *Югре*, о путях на Обь, за Урал, о богатствах этого региона, о которых позднее поведал в своей книге.

В навигацию 1576 г. с одним из голландских кораблей Г. Штадену удалось, наконец, покинуть Россию. Сначала он отправился в Копенгаген, оттуда в Германию и Швецию. Там пытался найти поручения для новой поездки в Москву, но неудачно. В конечном счете он осел в Лютцельштайне, в Вогезах,

¹ Бахрушин С.В. Предисловие // Генрих Штаден. Записки о Московии. М., 1925. С. 44.

² Там же. С. 47.

где по заданию местного пфальцграфа Ганса Георга Вельденцского и написал свое сочинение «*Описание правления и страны Московитов*» и составил проект военной оккупации Колы и Онеги. Штаденское описание Московии, основанное на личных впечатлениях участника и современника событий, а также на устной традиции придворной или народной среды, займет одно из первых мест в ряду *Rossica XVI* в.¹

На основе личных впечатлений Г. Штадена сложилось топографо-экономическое описание русского Поморья и описание Москвы эпохи Ивана Грозного. Замечательное, единственное в литературе изображение опричного двора на Неглинной (1565–1571 гг.), сгоревшего во время набега Девлет-Гирея, сделано также по личным воспоминаниям. Его мемуары вызывают интерес благодаря многим деталям характеристики быта и культуры Московской Руси. В них имеются краткие сведения о Перми Великой, обозначенной как *Felika Perma*, слободка Усть-Цильма — *der Bach aus Silma* и т.д.

Несколько позднее некоторые сведения о Русском Севере появляются в сочинениях английских путешественников. Это было связано с тем, что во второй половине XVI в. английские купцы активно ищут путь в Индию через Северный Ледовитый океан и таким образом исследуют Европейский Север. Они как бы вновь «открыли» морской путь викингов из Западной Европы к устью Северной Двины. Активность англичан на севере была вызвана постоянными войнами на европейском континенте, что сильно мешало торговле. В 1553 г. капитан Ричард Ченслер (Чанселлор) привел первое английское судно к устью этой реки, на борту которого, кроме различных товаров, находилось английское посольство². Тогда же начинается торговля с Московским государством, которая шла через Белое море и Северную Двину, для чего

¹ Бахрушин С.В. Предисловие // Генрих Штаден. Записки о Московии... С. 52.

² Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. Архангельск, 1998.

в Лондоне учреждается «Московская компания». В 1557 г. на Руси побывал Ричард Джонсон, который оставил отдельные заметки о путях сообщениях с Пермью и Обью, а также самоедах³.

Некоторые сообщения о жителях Перми содержатся в книге *Джильса Флетчера* (1548–1610) «*О государстве Российском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны*»⁴. Дж. Флетчер родился в Кенте в 1548 г. Учился в Кэмбриджском университете, имел степень доктора гражданского права, был магистром теологии; ездил с дипломатическими поручениями в Шотландию, Германию, Нидерланды. В 1588 г. он был послан в Москву послом от Елизаветы Английской к царю Федору Иоанновичу для заключения дружественного союза и восстановления торговых отношений Англии с Россией, а также для поддержания перед русским правительством ходатайства английской «Московской компании» о монополии на торговлю с северорусскими портами

³ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья I // Прибавления к 8 тому Записок ИАН. 1865. № 1. С. 1–179; Статья II. Прибавления к 15 тому Записок ИАН. 1869. № 2. С. 181–308; Английские путешественники о Московском государстве в XVI в // Иностранные путешественники о России. Л., 1937. С. 13–14, 34–36; Морозова Л.Е. Сочинения англичан о России XVI в.: правда или вымысел // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 2007. С. 132–154; Andersen M. S. Britain's discovery of Russia 1553–1815. L., 1958; Branch M. British travellers among the Samoyedes // JSFOu. Vol. 72. 1975.

⁴ Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Разд. IV; Он же. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891; Флетчер Дж. О государстве русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1901; Титов А.А. История перевода сочинений Флетчера // Флетчер Дж. О государстве Российском. СПб., 1906; Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С.196–197. Последнее издание книги см.: Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII века глазами дипломатов). М., 1991. С. 25–138; Флетчер Д. О государстве Российском. М., 2002; Fletcher G. Of the Russe Common wealth. Cambridge, Mass., 1966.

вплоть до Енисея. Одновременно он должен был уладить дела одного из агентов этой компании, английского купца Марша, наделавшего в России от имени компании значительных долгов¹. В Россию он прибыл через Холмогоры, а перед тем как покинуть страну, некоторое время пробыл в Вологде.

Посольство Дж. Флетчера не было удачным. Подарки, присланные с ним от королевы Елизаветы царю, были найдены неудовлетворительными и не были приняты царем «по причине их ничтожности». В даровании компании монополии было отказано; у нее было отнято право беспошлинной торговли в пределах России; по делу Марша часть предъявленных долговых претензий была переведена на компанию. В Англию члены посольства выехали из Москвы только 6 мая 1589 г., но около двух месяцев прожили в Вологде, ожидая царского ответа на новую грамоту, полученную от королевы Елизаветы I. В середине июля из Москвы был отправлен указ вологодскому воеводе об отпуске посольства в Холмогоры, а оттуда в Лондон.

Вернувшись, Дж. Флетчер подал отчет английскому министерству, а затем в 1591 г. написал подробное сочинение об увиденном и услышанном во время пути и пребывания в России под названием «Of the Russe Common Wealth». О дальнейшей его жизни известно, что он был городским секретарем в Лондоне, рекетмейстером королевы и казначеем церкви св. Павла и что он умер в 1611 г.

Сочинение Дж. Флетчера состоит из 28 глав. В 1–4 главах помещен географический очерк России, в 5–13 главах описано устройство суда, в 15–20 главах — организация войска и быт инородцев, в 21–25 главах — церковное устройство, в 26–28 главах — частный быт русских. При составлении своего труда автор пользовался показаниями других английских купцов, проживавших в то время в Москве, Вологде и Холмогорах, а также сведениями Д. Горсея, одного из агентов лондон-

ской «Московской компании». Он был знаком с сочинениями *С. Герберштейна* и *М. Меховского*. Дж. Флетчер как ученый систематизировал и группировал данные, обобщая и используя их для своих доказательств. Он создал свою во многом соответствующую действительности концепцию расположения политических сил в России.

Управление, общественный быт и народные нравы России нарисованы мрачными красками, но это сочинение содержит в себе, при некоторой односторонности общего взгляда, немало важных сведений, характеризующих сословный и административный строй Московского государства. Именно поэтому оно до настоящего времени считается одним из главных источников по истории России XVI в. Отдельные ошибки и неточности, неизбежно возникшие под пером иностранца, мимолетно посетившего Россию, не умаляют общей ценности источника, по многим вопросам сообщающего единственные дошедшие до нас показания.

Справедливости ради надо сказать, что Дж. Флетчер, несомненно, одаренный человек, ученый, юрист, дал систематическое описание российского феодального общества, административного устройства, русского войска. Его сочинение — ценный источник для изучения права и истории России XVI в.

В его сочинении Пермь и Югра изображаются как места, откуда в Москву поступает пушнина — один из главных предметов торговли между Англией и Москвой. Дж. Флетчер, описывая Московскую Русь, в числе территорий, входящих в ее состав, упоминает земли «Югорскую, Пермскую, <...> Удорскую, Обдорскую, Кондийскую»². В числе значительных рек наряду с Волгой, Доном, Двиной упоминает и Вычегду, которая «также весьма широкая и длинная река: она берет начало в Пермской области и впадает в Волгу»³. Ученый делает непростительную географическую ошибку, так как Вычегда впадает в Северную Двину.

¹ Рогожин Н.М. Введение // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII века глазами дипломатов). М., 1991. С. 6–7.

² Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 17.

³ Там же. С. 22.

Дж. Флетчер выдвигает этногенетическое предположение о том, что пермяки и самоеды происходят от татар, на что указывает их внешний вид, в первую очередь широкие лица. *«Пермяки почитаются народом очень древним, и в настоящее время они находятся под властью России. Промышляют они звериной ловлей и меховой торговлей»*. Правда, он, как и многие европейцы, здесь путается, называя зырян пермяками. По мнению исследователя, *«пермяки и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня (называемого *Vaghnou*) и из средней коры соснового дерева»*¹.

Он подробно описывает меховой рынок внутри страны, указывая, откуда и какая пушнина поступает в продажу: *«Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие меха россомахи вывозят оттуда и из Перми, а лучшие куньи из Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани. Лучшие рысьи, белчьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми»*².

Дж. Флетчер пишет так же о вывозе шкур и кожи, упоминая, что *«лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми»*. Упоминает о местах добычи соли: *«Соль добывается и во многих других местах, а именно: в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках, Оконе (Осопа), Вобасеу и Неноксе, притом все из соляных копей, за исключением Соловков, лежащих близ моря»*³.

По мнению английского дипломата, области Пермь и Печора, населенные народом, совершенно отличным от русских и говорящим на другом языке, покорены в недавнее время,

и то более страхом и грозой меча, нежели действительной силой, так как это народ слабый и бедный, не имеющий никаких средств к защите. Что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более грозой меча, нежели самым оружием. Во-первых: царь разместил в этих странах столько же русских, сколько там жило туземцев, кроме того, содержал гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания аборигенов в повиновении. Во-вторых: местные начальники и судьи все русские и часто сменяются царем, каждый год по два и по три раза, несмотря на то что здесь нечего опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В-четвертых, царь заботился, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег, и для того обложил их податями и обирал их.

Из описания Дж. Флетчера видно, что территория, населенная коми, уже находилась в юрисдикции московских царей, а точнее — Ивана IV Грозного и его сына Федора Иоанновича.

Дж. Флетчер полагал, что *«пермяки и самоеды, обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят также, как полагают, от татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие и плоские лица, как у татар, за исключением только черкесов. Пермяки почитаются народом очень древним и в настоящее время подвластны России. Промышляют они звериной ловлей и меховой торговлей, так же как и самоеды, которые живут далее к Северному морю»*⁴. Эту ошибку автора можно понять, так как для науки того времени вопрос о происхождении коми был открыт и чаще всего западноевропейские

¹ Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 114.

авторы все нерусское (неславянское) население Московии называли татарами. Такая традиция продолжалась фактически до середины XVIII в., когда финно-угры были выделены в особую, отличную от татар (тюрков) группу народов.

Дж. Флетчер также затронул вопрос о Золотой Бабе: *«Но что касается до рассказа о золотой или яге-бабе, о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи, дающей, на вопросы жреца, прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской со стороны моря, близ устья большой реки Оби, есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Норд-Капа представляет собой монаха)»*¹.

У этой книги удивительная судьба. Первый раз она была запрещена в Англии, что было связано с тем, что Дж. Флетчер довольно резко отзывается о Борисе Годунове. Свою задачу он видел в том, чтобы изобразить порядки российские как противоположные порядкам английским: *«Русский деспотизм — британская вольность»*. Тяжелое бремя тиранического правления в России описывается одновременно с восхвалением политической системы Англии². Это посчитали опасным для будущих торговых и политических контактов. Кроме того, английские купцы боялись конкурентов, ибо именно англичане в тот момент были главными посредниками в транзитной торговле из России. Поэтому первое издание фактически было уничтожено.

В 1848 г. профессор О.М. Бодянский обнаружил английскую версию этой книги в Московском архиве Министерства иностранных дел и опубликовал ее в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском универ-

ситете»³. Но журнал был изъят из продажи. Причина — описание Дж. Флетчером правления Ивана Грозного. На самом деле причина крылась во вражде между двумя крупными сановниками того времени — министром народного просвещения графом С.С. Уваровым и попечителем Московского университета графом С.Г. Строгановым. Чтобы насолить С.Г. Строганову, который помог напечатать книгу Дж. Флетчера, С.С. Уваров добился запрета и уничтожения тиража, ибо напечатанное сочинение изображало в мрачных красках прошлое России и оскорбляло патриотические чувства⁴. С.С. Уварову все удалось: С.Г. Строганов получил высочайший выговор и вышел в отставку. Вместе с тем секретарь Общества профессор О.М. Бодянский был снят с этой должности и переведен из Московского университета в Казанский. А так как туда он отказался уехать, то был вынужден уйти в отставку.

Известный общественный деятель середины XIX в. А.В. Никитенко, бывший в то время цензором, записал в своем дневнике: *«Строганов, по выражению Гоголя, “нагадил” Уварову, Уваров — Строганову. Это в порядке вещей на Святой Руси, где такие явления между государственными людьми только доказывают обычную и глубокую безнравственность, к которой все привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга, полезная для нашей истории? За что пострадал секретарь Общества Бодянский, которого велили удалить в Казань?»*⁵

Упомянутыми выше именами круг средневековых источников, которые могут быть полезны исследователю традиционной культуры коми, не ограничивается. Здесь названы основные авторы, которые так или иначе пытались, с одной стороны, собственными ис-

³ Бодянский О.М. Д. Флетчер. О государстве Российском // ЧИОИД. 1848. Вып. 1.

⁴ В Российской национальной библиотеке имеется цензорский экземпляр этого издания, а также женевское издание сочинения Флетчера на русском и французском языках.

⁵ Записки и дневники А.В. Никитенко. СПб., 1905. Т. 1. С. 379.

¹ Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 114.

² Рогожин Н.М. Введение // Проезжая по Московии... С. 9.

следованиями расширить знания географии того времени о Севере Европы, а с другой стороны, включить полученные сведения в европейскую географическую литературу. Часто они пользовались информацией из третьих рук, слухами, ибо сами не имели по ряду причин возможности побывать в этих местах.

На первое место в этих сочинениях выдвигаются сведения о местоположении Перми (Биармии), путях сообщения с этим регионом, богатствах (в первую очередь о пушнине, игравшей главную роль в средневековой торговле с Севером) и языческих (нехристианских) верованиях. Здесь же возникают те основные исторические легенды, связанные с Русским Севером, например о Биармии, Золотой Бабе, которые остаются дискуссионными и до нашего времени, несмотря на широкое обсуждение этих проблем в течение трехсот лет (XVIII–XX вв.).

Ситуация начинает меняться в самом конце XVII — начале XVIII в., когда при молодом царе Петре Алексеевиче Московская Русь становится более открытым государством и Петр начинает нуждаться в специалистах, которые бы помогли ему изменить государство, осознать его просторы и богатства. Многие из них, побывав на Руси, возвращались в Европу и приносили с собой уже достаточно достоверные, почти научные данные об этом загадочном государстве. И одним из первых такие сведения о народах коми появляются в сочинениях *Избранта Идеса* и *Адам Бранда*.

В 1692 г. из Москвы в Китай было отправлено посольство во главе с Избрантом Идесом. Одним из его участников был Адам Бранд. Путешествие в Китай, пребывание в Пекине и обратный путь продолжались почти три года. По возвращении из Китая И. Идес и А. Бранд опубликовали в Западной Европе свои записки о посольстве¹. Их сочинения

¹ *Эбергард Избраннедес*. Путешествие и журнал по указу Великих государей, Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай И.Э. посланником в 1692 году, марта 14 // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. II. Часть. VIII. М., 1789. С. 360–475; *Идес Избрант*,

можно считать последними западноевропейскими источниками периода Нового времени, в которых уделено некоторое место описанию коми-зырян. В литературе Избранта Идеса обычно именуют просто Избрант; однако издатели его сочинений, а также все западноевропейские переводчики считают, что Избрант — имя, а Идес — фамилия автора «Записок»². В настоящее время он именуется чаще всего Идесом, чтобы избежать путаницы со своим спутником и коллегой Брандом, у которого по случайному совпадению очень похожая фамилия. Кроме того, в русской исторической традиции эти два сочинения обычно публикуются вместе. В отечественных исследованиях первого из них часто называют Елизарием на русский манер.

Эверт Избранд (Избрандт) Идес, или, как его звали на Руси, Елизарий Елизарьев сын Исбрандт, происходил из голландской семьи, в XVII в. переселившейся в Германию, в Шлезвиг-Гольштейнию. Он родился и был крещен в 1657 г. в Глюкштадте. Известно, что в 1687 г. И. Идес проживал в Гамбурге, где вел торговые операции. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в числе прочего он торговал с Россией, совершив свое первое плавание в Архангельск в 1677 г., еще в 20-летнем возрасте. В 1688 г. по царскому указу ему был уплачен 71 рубль с полтиной за различные купленные у него для двора вещи. В указе упоминаются шляпы со страусиными перьями, изделия из серебра, слоновой кости, хрусталя.

С 1677 по 1687 г. И. Идес вел торговлю с Россией, проживал в связи с делами то в России, то за границей, в 1687 г. был еще в Гам-

и Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай / вступ. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967; *Hundt M.* (Hg). Beschreibung der dreijährigen chinesischen Riese. Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand. Stuttgart, 1999. Об истории издания этого сочинения см.; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях... С. 519; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению... Вып. I. С. 84–86.

² *Henning G.* Reiseberichte über Sibirien von Herberstein bis Ides // Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig, 1950. Leipzig, 1906. S. 312–394.

бурге, а с 1687 по 1692 г. жил почти безвыездно в Москве¹. Он, будучи крупным коммерсантом, занимал видное положение в Немецкой слободе в Москве и входил в ее высшие круги, которые, как известно, были близки к царю Петру, был знаком с ним. Видная роль И. Идеса в Немецкой слободе, крупные связи, близость к царю способствовали посылке его с правительственным поручением в Китай². Он был заинтересован в этой поездке еще и потому, что надеялся поправить свои расстроенные дела, так как у него были значительные долги. Он рассчитывал на значительный финансовый успех. Но поездка его в Пекин, по-видимому, была все же предприятием частным, государство только оказывало содействие, ибо в официальных актах не сохранилось никакого упоминания об отношении правительства к миссии Избранта Идеса.

Некоторые данные заставляют предполагать, что в отправке миссии в Китай во главе с И. Идесом существенную роль сыграл **Н. Витсен**. Они были знакомы и переписывались, а сведения И. Идеса были использованы Н. Витсеном. Еще в 1690 г. Н. Витсен прислал Петру из Амстердама карту Северо-Восточной Азии. Она была составлена им в 1687 г., к ней прилагался разработанный проект развития торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем — через Сибирь. В начале 1691 г. Н. Витсен обратился к царю с письмом, в конце мая ему был дан ответ, вскоре, еще до конца года, последовали челобитная И. Идеса и резолюция царя отправить Избранта послом в Китай³.

После возвращения из Китая он продолжил свою деятельность в России. Известно, что Петр Великий в 1698 г. передал ему исключительные права на печатание в Нидерландах книг и карт о России и Сибири. Однако

в Нидерланды он не вернулся⁴. Известно, что он строил в 1697–1698 гг. корабли для Петра в Воронеже. Позднее под Москвой у него был оружейный завод, он поставлял русской армии порох и т.д.⁵ Но со временем он переносит свою кораблестроительную деятельность из Воронежа в Архангельск, который пока оставался главным морским портом России⁶.

Как сообщает С.Ф. Огородников, И. Идес умер в 1708 г. в Вологде⁷. Так закончил свой жизненный путь И. Идес, иноземный купец, приехавший в Россию торговать, совершивший в качестве русского посланника поездку в Китай, осевший на новой родине и отдавший ей свою предприимчивость и опыт. Помощник Петра I и один из промышленных деятелей Петровского времени, И. Идес принадлежал к той многочисленной группе иностранных купцов и наемников, проникших в Россию в поисках наживы или карьеры. Как писал немецкий историк Э. Амбургер, «*Виниус и вскоре обогнавший его Петр Марселис открывают собой галерею предпринимателей, типичных для XVII в. Это в первую очередь купцы, опирающиеся на родственников и деловых друзей в Амстердаме и Гамбурге, а также заводчики, правительственные поставщики, откупщики государственных монополий, торговые агенты иностранных держав в России, иногда используемые царем для дипломатических поручений.* <...> Как на последнего представителя этого типа можно указать на Эверта Избранта Идеса, ездившего по приказу царя в Китай, затем поставившего свои собственные оружейные и пороховые заводы, строившего для Петра суда и закончившего свою деятельность торговым комиссаром в Архангельске»⁸.

⁴ Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Т. III. Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 120–121.

⁵ Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.). Л., 1957. С. 53.

⁶ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. Ноябрь. С. 124, 137.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ *Amburger E. Fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Zeitschrift fuer*

¹ Казанин М.И. Предисловие... // Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве... С. 10–12.

² Там же. С. 10–12.

³ Там же. С. 17–18.; Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 7.

Русский перевод записок И. Идеса появился в 1788 г. во втором издании «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова¹. Этим переводом до сих пор пользуются отечественные историки и географы, но, по мнению М.И. Казанина, он совершенно неудовлетворителен². Перевод записок И. Идеса и А. Бранда на европейские языки сделал их известными во многих странах. Они стали значительными памятниками географической и этнографической литературы конца XVII в.³ А.И. Андреев вообще предлагает считать это сочинение первым этнографическим трудом русского происхождения, хотя и изданным на немецком языке. И в этом он прав, ибо об этом путешествии сохранились отчеты на русском языке⁴. Ценность известий И. Идеса и в том, что он «*описал лишь то, о чем подлинно ведал, и в оном описании, кроме существа, никакого украшения не употреблял*».

Экспедиция И. Идеса до Урала двигалась по хорошо известной в то время дороге через Вологду, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск и далее в Сибирь. Именно здесь в поле зрения путешественника и попали народы коми. Поскольку познания авторов в русском языке были более чем скромными, а на языках коми или других национальных меньшинств они не знали ни сло-

Firmengeschichte und Unternehmer-Biographie. Baden-Baden, 1957. № 4. S. 339.

¹ Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году, марта 14 дня // Древняя Российская Вивлиофика, изданная Н. Новиковым. 2-е изд. СПб., 1788. Т. VIII, С. 360–475 и т. IX. С. 381–461.

² *Идес Избрант, Бранд Адам*. Записки о русском посольстве... С. 375.

³ *Казанин М.И.* Издания записок Избранта Идеса и Адама Бранда и материалы о посольстве... // *Идес Избрант, Бранд Адам*. Записки о русском посольстве... С. 366–381; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению... Вып. 1. С. 83–85.

⁴ По возвращении в Москву Идес представил в Посольский приказ статейный список своего посольства. Он упоминается А.И. Андреевым, см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. С. 83.

ва, мы можем с полным основанием предположить, что все приводимые ими данные были изложением увиденного и услышанного от спутников и других встреченных ими лиц.

Описание И. Идеса о зырянах начинается с прибытием в волость Ужгу⁵. Это название вызвало недоумение уже у исследователей XVIII в. Лучший знаток Русского Севера того времени А. Л. Шлецер, проживавший в Германии, предполагал, что автор здесь ошибается и путает это место с Устюгом⁶. По данным *А.И. Шегрена*, подобная волость существовала⁷. Коми исследователь, скрывавшийся под псевдонимом Чожмор, в 1920-е гг. обратившийся к анализу данных, опубликованных в работе И. Идеса, упоминает одноименный населенный пункт в верховьях р. Сысолы. В XVII в. Ужга была уже волостью и через нее шла зимняя дорога от Сольвычегодска на Кайгородок, то есть на пути, которым следовало посольство⁸. У *Н. Витсена* в таблице расстояний между Кайгородком и Сольвычегодском мы также находим Ужгу⁹.

Л.П. Лашук приводит жалованную грамоту 1485 г., в которой упоминаются «крещенные сиряне Ужговские», которых он считал одной из верхнесысольских этнотерриториальных групп коми. По мнению И. Идеса, именно отсюда начинается страна зырян, названных им сгренами, народа, «*говорящего на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия*». Из этого И. Идес сделал заключение, что этот народ раньше жил по «*Лифляндским и Курляндским границам*».

⁵ *Идес Избрант, Бранд Адам*. Записки о русском посольстве... С. 56 и далее.

⁶ *Schloezer A.L.* Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771. S. 296.

⁷ *Sjögren A.J.* Die Syrjaenen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // *Gesammelte Schriften*, Bd. 1. SPb., 1861. S. 314.

⁸ *Чожмор (С.А. Попов)*. Избраннедес о зырянах (сгренах) // *Коми му.* 1928. № I (47). С. 36–39.

⁹ *Witsen N.* Noord-en Oost-Tartarye. II. Amsterdam, 1705. S. 844.

Сразу следует оговориться, что здесь автор ошибался, ибо коми язык не относится к германским языкам. Возможно, вместе с ним был кто-то, знавший эстонский, но и он не смог бы понять коми речь. Хотя вопрос этот неоднократно поднимался¹. Несмотря на эти разногласия, сведения И. Идеса позволяют уточнить западную границу проживания коми на рубеже XVII–XVIII вв. — один день санного пути от Сольвычегодска.

Затем в его записках следует описание этого народа. И. Идес отмечает, что они «исповедуют православие, являются подданными их царских величеств и платят им положенную дань; однако же не знают никаких наместников или воевод, а выбирают сами себе судей, и если случается им разбирать какое-либо дело большого значения и они не могут его решить, то обращаются в Посольский приказ в Москве, чтобы дело было решено там. По одежде и внешнему облику как мужчины, так и женщины мало отличаются от русских».

По поводу происхождения народа коми он приходит к заключению, что «народ этот в древние времена из-за войны или других причин попал сюда с лифляндской или карельской границы. Некоторых из них я из любознательности расспрашивал об их происхождении, но они не могли дать мне никакого представления о том, пришли ли их предки из чужих стран или нет; не могли также они объяснить, почему их язык не имеет ничего общего с русским».

Далее следует описание земель (величины и расположения), населенных коми, а также их жилищ. По данным путешественника, они, кроме тех, которые живут по одной стороне реки Сысолы, промышленяют серой пушиной и обрабатывают землю. Занимаемая ими территория довольно велика и простирается до Кайгорода на 70 чумкасов. Чумкас же равняется большой немецкой миле. У них нет крупных поселений или городов, и они живут в основном в маленьких деревнях, разбросан-

ных в обширных лесах. Дома их такие же, как у русских.

Здесь мы видим свидетельство распространения на Русском Севере неопределенной коми народной старинной меры для обозначения расстояния — *чумкас*. Это слово обозначает дистанцию между двумя охотничьими избушками *чом*. Н. Витсен приравнивал чумкас к пяти верстам или одной немецкой миле и указывал, что это слово зырянское, но одновременно употребляемое и пермяками². Далее следует описание пути через Урал и данные о Соликамске.

По сравнению с тем что мы знаем об *Избранте Идесе*, биографические сведения об *Адаме Бранде* несравненно беднее³. Он пользовался некой известностью лишь на своей родине — в Голштинии — и в Северной Германии. А. Бранд был уроженцем г. Любек. Даты рождения и смерти неизвестны. Он с молодых лет занимался торговыми делами в Москве. Известно, что он сопровождал И. Идеса в Китай, но неясно, в качестве кого он ездил в это путешествие (возможно, в качестве секретаря посольства). В предисловии к первому изданию своих записок А. Бранд пишет: «Среди как немецких, так и русских моих спутников нашлось несколько человек, взявших на себя обязанность описать путешествие. Кончилось же дело тем, что они свалили всю работу на меня, не отказывая при этом мне в дружеской помощи».

Между И. Идесом и А. Брандом, видимо, не было особенно близких отношений. А. Бранд упоминает об И. Идесе хотя и часто, но очень холодно и официально; И. Идес же совсем не упоминает А. Бранда. «Перед отъездом из Китая, — повествует А. Бранд во втором издании своей книги, — просил я господина посла об увольнении, чтобы мог из любознательности путешествовать дальше по Китаю до страны Могола, а оттуда через

¹ О сходстве языка коми с балтийскими языками см.: *Sjögren A.J. Die Syrjaenen...* S. 314.

² *Witsen N. Noord-en Oost-Tartarye. Bd. II. S. 844; Unverzagt G.-J. Die Gesandtschaft... von Gross-Russland und den Sinesischen Kayser. Lubeck, 1725. S. 26.*

³ *Казанин М.И. Предисловие... // Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве...* С. 29–30.

Батавию в Голландию на родину, но счастье мне на этот раз не улыбнулось, так как господин посол, чтобы не отвечать за меня перед его царским величеством, отказался уволить меня, вследствие чего я вынужден был вместе с ним ехать обратно в Россию»¹.

Вскоре по возвращении в Москву А. Бранд уехал за границу, на родину, в Любек, где снова занимался торговлей. Больше он никогда в Россию не возвращался. Известно, что некоторое время он состоял коммерции советником прусского короля Фридриха I. Первое издание своих записок о путешествии в Китай А. Бранд выпустил в Гамбурге в 1698 г. В 1712 г. вышло второе издание его книги, которое, как считают некоторые исследователи, утратило характер сообщений о непосредственно увиденном благодаря вставкам из чужих сочинений, в том числе из записок И. Идеса².

Адам Бранд дает несколько иное, чем И. Идес, описание Зырянского края. У А. Бранда эта земля ассоциируется с густым, большим и темным лесом, раскинувшимся на 800 верст (или 160 немецких миль) и достаточно населенным³. В деревнях и местечках живет народ по имени зыряне, тоже православной веры. Русские к ним относятся, как немцы к гренам или вендам.

Но самое ценное его замечание — это описание празднования Пасхи. Это вообще первое упоминание о существовании у коми этого праздника: *«Когда мы туда приехали, повсюду шло большое веселье по случаю Пасхи и повсюду женщины подносили нам красные яички. Во всей России господствует старый и похвальный обычай: не только в этот день, но и четырнадцать последующих каждый, будь он знатный или простой человек, старый или малый, имеет при себе красные яйца. На улицах сидят бесчисленные торговцы вареными и окрашенными в красную краску*

яйцами. При получении такого яйца нужно женщину приличным образом поцеловать, и не полагается никому, мужчине или женщине, высокого или низкого положения, отказаться в таком поцелуе при вручении крашеного яйца. Когда люди встречаются на улице, то приветствуют друг друга поцелуем в губы и говорят по-русски “Христос воскрес”, на что другой отвечает “Воистину воскрес”. И если случится, что русский окажет вам честь приглашением в гости и гость не почитит находящихся в доме женщин поцелуем, то это сочтут не только глупостью, но и большим оскорблением. Когда обычай исполняется по всем правилам (но женщин при этом касаться не полагается, руки должны оставаться опущенными по бокам), то гостю кроме дружеского угощения в благодарность преподносят чарку водки»⁴.

Таким образом, первые сведения о предках современных народов коми появляются в ходе знакомства и постоянного освоения человеком субарктической ойкумены на Европейском Севере. Этот процесс сопровождался не только хозяйственным освоением этой территории коми и русскими, но и кратковременным пребыванием на Севере различных торговцев, путешественников и авантюристов, искателей приключений (арабов, скандинавов, позднее англичан и голландцев). В этот период через Европейский Север пролегли два транзитных пути: 1) северо-восточный отрезок великого восточного супохутно-водного пути, пролегшего от Англии и Скандинавии до Урала и далее на восток и юг, который проходил по рекам бассейна Северной Двины, Онеги, Мезени, Печоры, Камы, Оби; 2) морской путь вокруг Скандинавии в Белое море и к устью Северной Двины, освоенной к середине XVI в.

Все это приводило, с одной стороны, к расширению географического знания, исторического пространства, а с другой стороны — к возрастанию интереса к «чужеродному» в этнокультурном и конфессиональном

¹Brand Adam. Neu vermehrte Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... Berlin, 1712, S. 263–264.

²Казанин М.И. Предисловие... С. 31.

³Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве... С. 66.

⁴ Там же.

плане. В ходе такого познавательного-колониального процесса информация об этой территории и народах, ее населяющих, постепенно изменяется. Бывшая на первых этапах информация скорее мифологическая, чем реальная, со временем, к концу XVI — XVII в., она становится все более реальной. Если первые сведения о народах этого региона трудно идентифицируются в этническом

отношении, то к концу этого периода они становятся более реальными, появляются понимаемые этнонимии, топонимы, в том числе и первые этнографические описания народов коми. К началу XVIII в. был накоплен существенный объем разносторонних сведений о народах коми, не всегда еще достоверных и доброжелательных, но включавших их в сферу научного знания.